

отодвигая их приближение. Ведь евхаристические собрания реально разрывают сети дьявола. Молитва Церкви ослабляет тотальное лукавое действие на род человеческий. Только она и ослабляет. Стоит нам всем уменьшить лукавую жатву новогоднего пьянства, ссор, драк и разврата тем, что многие верные соберутся в эту ночь на молитву и Евхаристию. А там, глядишь, у нас и вкус к духовным трудам появится. Ибо, честно говоря, в некоторых из нас этого вкуса совсем не заметно.

ПОЛЬЗА ОТ НЕПРИЯТНОСТЕЙ

Один из механизмов нашей жизни, болезненно неизбежный, — узнавание ее изнанки через страдания. То есть гуляет человек по улице большого города, или сидит в теплом доме у телевизора, или лепит снеговика с младшим сыном. Все хорошо. Но вот приходит в его жизнь болезнь. Она может прийти к тебе самому или к тому, кого ты любишь. И ты погружаешься в совершенно другую реальность. Попадаешь в больницу, видишь очереди больных людей, забеганных, замученных врачей, получающих, кстати, не очень большие зарплаты, которые обязаны всех любить, но на это души не хватает.

Попади в ожоговое отделение — там у тебя прямо душа задрожит от этих всех ран, которые на людях, обварившихся кипятком или ударенных током. Попади в травматологию — там от этих поломанных рук-ног и от запаха гипса у тебя тоже закружится голова.

Ты попадешь в какой-то параллельный мир. И этих людей будет очень много. Ты опять выйдешь на улицу — и снова увидишь, что все нормально. Зайдешь туда — увидишь, все не нормально. И это терапия такая вот, терапия болью, лечение болью.

Это очень важная вещь для того, чтобы знать, что мир — не только глянец. Как-то нам настырно глянец подсовывают под нос, и на глянце все белозубые, все успешные, все богатые, все, так сказать, подкачанные в фитнес-залах. И все не боящиеся будущего, потому что у них в душе много лет. Значит, ешь, пей, веселись. Это глянец, глянец жизни. И он как-то привыкает к человеку, и человек к нему, прилипает к сознанию.

Вот так люди смотрят на жизнь.

Но вдруг беда выдергивает человека из привычного состояния. Например, у мамы заболел ребенок. Ребенок маленький, который без нее не может быть в больнице. Она попадает в больницу, где тысячи сумасшедших мам, которые уже на грани отчаяния от того, что дети болеют. А нужно и день для этого, и всё. Они как взаперти, как в тюрьме в этих больницах сидят, ходят по коридорам и так далее. И человек удивляется: Боже, другая какая-то жизнь совсем. А для чего это всё?

А есть еще дома престарелых, которые безрадостнее, чем тюрьма. Потому что из тюрьмы есть надежда выйти. Из дома престарелых — нет. Есть хосписы, которые могут быть зализанными, красивыми и чистыми. Но они похожи на дома престарелых, потому что из них только один выход, только в одну сторону.

Есть те самые тюрьмы, которые вообще параллельный мир. А там тоже миллионы людей. Людей. Не скотов и не демонов, а людей.

Какой вывод из этого всего, что это вообще? Мы хотим глянца, и глянец нам навязан, он к нам прилип. Что неудивительно. На самом деле рядом с нами, справа и слева от нас, протяни только руку — страдающий мир. Мир — это рана. Как у Арсения Тарковского: «Не я словарь по слову составлял, а Он меня творил из красной глины. Не я пять чувств, как пятерню Фома, вложил в зияющую рану мира, а рана мира облегла меня. И жизнь жива помимо нашей воли».

То есть вокруг тебя рана мира. То есть мир — это рана. До времени мы об этом не знаем и знать не хотим. Иногда просто закрываем... не надо об этом говорить. А на самом деле мир — это рана. И вывод из этого неприятно сказанного заключается в следующем: если я выздоровею, Господи, если Ты меня спасешь, если я выйду на волю, если выздоровеет любимый мой человек, если мои дети будут бегать и прыгать по лужайке, как прежде, и так далее, то я теперь не забуду уже о том, что есть страшная жизнь. Что, кроме глянцевого жизни, к которой все стремятся, есть жизнь страшная и тяжелая. Что там есть слезы, есть бедность, есть одиночество. И я теперь буду помогать этим людям.

Если Ты меня вылечишь, если Ты меня поднимешь, если Ты мне поможешь, то я теперь не буду жить так, как будто этого всего нет. Я буду жить так, чтобы помнить, что в такой подобной беде, в какой я был или была, — много-много людей, и они там остаются. Им нужна или

протянутая рука, или какая-то собранная копейка благотворительная. Им нужно, может, лекарство, или поцелуй в лобик, или вытертые слезы, или молитва. Но им нужно много, в конце концов. А я об этом не знал. Ну, не знал.

Часто мы спрашиваем: а зачем в мире так много беды? А ты мне скажи, как без беды чужую беду пожалеть? Это не моя беда, она мне как бы до лампочки. А вот если это моя беда, и я теперь помню об этом, и у меня появляется возможность сострадания, возможность сопереживания, возможность деятельной любви к страдающему человеку. Этим пронизано очень много текстов. В том числе текстов литературы.

Например, Антон Павлович Чехов говорил, что у двери, за которой живет счастливый человек, должен стоять человек с молоточком и, регулярно стуча в двери дома счастливого человека, напоминать ему о том, что ты-то сейчас счастлив, а кроме тебя в этом мире многие несчастливы. Такая священная фраза, я бы сказал, находится в россыпях различных фраз, вышедших из-под руки Антона Павловича. Вот человек с молоточком. И пока человек лично не испытал что-либо...

Почему, например, важно парню в армии отслужить? Потому что вкус хлеба, цену свободного времени и многое другое познаешь ты только тогда, когда лишаешься привычной домашней пищи, постоянно занят, постоянно под окриком командира. И тогда ты начинаешь по-другому оценивать окружающий мир.

Одним словом, у беды есть свой смысл. Поэтому от беды не отвернешься и не убежишь, беду можно только пройти насквозь вперед.

Я желаю мужества всем, у кого беда есть. Но я желаю сострадания всем тем, у кого беда была и прошла. Она была у вас для того, чтобы вы не забыли о ней и жалели тех, кто сегодня находится в том, в чем когда-то были вы и плакали.

ПОМЫСЛЫ

Они легче пуха и незаметнее слабого ветерка. За день их бывает так много и они так разнообразны, что отследить их все и дать себе отчет в их качестве едва ли возможно. Мы говорим о помыслах.

Они есть у всех, и они не только разнообразны. По временам они еще и безобразны. А еще пусты, или неожиданны, или фантасмагоричны. Кто поймает их сачком, как бабочку? Кто пересчитает их, как песчинки в горсти? Да стоит ли вообще обращать на них внимание или можно махнуть рукой на эту мысленную моль, на эту пыль, соскучившуюся по мокрой тряпке?

Что ж, мокрая тряпка действительно нужна, а вот просто отмахнуться от этой опасной мелюзги не получится.

В своем Первом Соборном послании апостол Петр напоминает христианам об их прежней жизни, о той нравственной грязи, которую они отвергли с отвращением.

«Довольно, — говорит он, — что вы в прошедшее время жизни поступали по воле языческой, предаваясь

нечистотам, похотям (мужеложству, скотоложству, помыслам), пьянству, излишеству в пище и питии и нелепому идолослужению; поэтому они (прежние товарищи по греху. — *Примеч. авт.*) и дивятся, что вы не участвуете с ними в том же распутстве, и злословят вас» (1 Пет. 4, 3–4).

Очень важно и не менее удивительно здесь то, что в перечне похотей у апостола *помыслы* стоят в ближайшем соседстве с такими очевидными гадостями, как мужеложство и скотоложство. Если бы мы с вами составляли перечни грехов и их классификацию, то никогда бы не поместили эфемерные (казалось бы) мысли рядом с вопиющими плотскими грехами. Очевидно, мы не до конца понимаем некоторые принципиальные по важности вещи.

Вот Каин. Прежде чем восстать на младшего брата и убить его, первенец Адама и Евы мучился от неотступной мысли. Явные признаки этой внутренней борьбы, которую Каин проиграл, описаны подробно.

«Каин сильно огорчился, и поникло лицо его. И сказал Господь Бог Каину: почему ты огорчился? И отчего поникло лицо твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» (Быт. 4, 5–7).

«У дверей грех лежит, он влечет тебя к себе», — вот она, настырная, неотступная мысль, лишаящая человека покоя днем и ночью. Это пока еще только мысль, но она уже грех, лежащий у порога. У человека есть власть бороться с ней (сказано: «господствуй»). Если же она

победит, а не ты, то грех очевидный, в пространстве и времени, произойдет с пугающей неумолимостью.

Закоренелый грешник, собственно, это и есть человек, которого победила неотступная мысль. Привлекла к себе внимание, переползла через порог, забралась в сердце и уходить не хочет. Так, патологический ревнивец, сексуальный маньяк, ненасытный вор, человек, вечно не довольный жизнью, ропщущий и завидующий, и так далее — суть люди, потерпевшие поражение в невидимой борьбе. А в этой борьбе и немудрено проиграть, поскольку львиная доля людей даже не подозревает, что такая борьба существует.

Библейское откровение до царя Давида мало говорит о внутреннем мире человека, в том числе о помышлениях сердца. Видно, человек был не способен к такому повороту зрения внутрь себя и вниманию к помыслам. Начиная же с Давида и его Псалтири разговор о тайне сердца зазвучал, и уже его вряд ли остановишь.

Греху предшествует мысль, а постоянному греховному поведению предшествует создание внутри человека целой мысленной системы греха, сложно разветвленной, как кровообращение. Этим откровением мы обязаны сыну Иессея и отцу Соломона. До него Святому Духу не с кем было заговорить о предметах столь тонких. Вот примеры из псалмов.

В надмении своем нечестивый пренебрегает Господа: «не взыщет»; во всех помыслах его: «нет Бога!» Это из псалма 9-го. Там же: говорит в сердце своем: «не поколеблюсь; в род и род не приключится мне зла». И еще: хватает бедного, увлекая в сети свои; сгибается,

прилегает, — и бедные падают в сильные когти его; говорит в сердце своем: «забыл Бог, закрыл лице Свое, не увидит никогда». То есть, чтобы ободрать ближнего как липку, чтобы сожрать его заживо, подставить, свести со света, нужно прежде всего сказать внутри себя: Бога нет! А если и есть, то Он не видит, забыл, закрыл лицо и прочее. Злодею необходим мысленный фундамент деятельности. А раз он необходим, то он и неизбежен.

Все эти слова-помыслы произносятся внутри сердца. Вот помыслы окаянной дочери Вавилона: она говорит в сердце своем: «сизу царицею, я не вдова и не увижу горести!» А вот то, что будет ей за этот укоренившийся образ мыслей: «За то в один день придут на нее казни, смерть и плач и голод, и будет сожжена огнем, потому что силен Господь Бог, судящий ее» (Откр. 18, 7–8).

«Сказал безумец в сердце своем: “нет Бога”. Они развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро» (Пс. 13, 1). Это уже слова безумного с неумолимым практическим выводом из них в виде гнусных дел и развращения. Писание, как видим, не оставляет маневра для светского гуманизма или безбожной доброты. Это довольно строго. Многие верующие не на шутку напуганы этой строгостью Всеблагого Бога. Испугаться есть от чего. И если бы мы сами выдумывали Бога, а не Он открывал Себя, то мы выдумали бы Его образцом толерантности. Реальная строгость Писания путает нам лужавые карты.

Впрочем, это не строже, чем огонь, льющийся на Содом. И это не строже, чем воды, заливающие всех, кроме сидящих в ковчеге. А ведь и у Содома, и у человечества